
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 001.92:330.341.1 + 342.3:351.82 + 347.7(470 + 571)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕЧНЕЙ КРИТИЧЕСКИХ И СКВОЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В. А. СУША¹⁾, А. Н. ГАВРИШ¹⁾, Р. М. КОНДРАТЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский институт системного анализа
и информационного обеспечения научно-технической сферы,
пр. Победителей, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе системного анализа исследуется формирование в России целостной правовой модели обеспечения технологического суверенитета, который в более широком смысле одновременно рассматривается как неотъемлемый признак современного государства. Ключевым доказательством этого тезиса выступает эволюция перечней критических и сквозных технологий от первого утвержденного перечня (2002 г.) до их современного статуса системообразующего элемента стратегии технологического суверенитета (2023–2025 гг.). Выявляются и анализируются основные правовые механизмы реализации данной модели: концептуальное разделение технологий на критические и сквозные, внедрение карт технологической кооперации как основного проектного инструмента, создание детальной

Образец цитирования:

Суша ВА, Гавриш АН, Кондратенко РМ. Правовые механизмы и эволюция перечней критических и сквозных технологий в России в контексте технологического суверенитета современного государства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2026;1:4–13. EDN: GBFDMM

For citation:

Susha VA, Gavrish AN, Kondratenko RM. Legal mechanisms and the evolution of lists of critical and cross-cutting technologies in Russia within the context of the modern state's technological sovereignty. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2026;1:4–13. Russian. EDN: GBFDMM

Авторы:

Владимир Александрович Суша – кандидат военных наук, доцент; директор.
Александр Николаевич Гавриш – заведующий отделом научно-правовых исследований.
Роман Михайлович Кондратенко – заведующий отделом научно-технического прогнозирования.

Authors:

Vladimir A. Susha, PhD (military science), docent; director. susha@belisa.org.by
Aleksandr N. Gavrish, head of the scientific and legal research department. gavrish@belisa.org.by
Roman M. Kondratenko, head of scientific and technical forecasting department. kondratenko@belisa.org.by

системы экспертизы и планирования, а также обусловленность финансирования поэтапным подтверждением уровней технологической готовности. Сравнение с белорусской моделью выявляет структурные различия и потенциал для гармонизации законодательства в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза, что отвечает общей стратегической задаче укрепления технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет; критические технологии; сквозные технологии; технологическая политика; правовое регулирование; карты технологической кооперации; уровень технологической готовности; Союзное государство; Евразийский экономический союз.

LEGAL MECHANISMS AND THE EVOLUTION OF LISTS OF CRITICAL AND CROSS-CUTTING TECHNOLOGIES IN RUSSIA WITHIN THE CONTEXT OF THE MODERN STATE'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

V. A. SUSHA^a, A. N. GAVRISH^a, R. M. KONDRATENKO^a

^aBelarusian Institute of System Analysis
and Information Support of Scientific and Technical Sphere,
7 Peramozhchaw Avenue, Minsk 220004, Belarus

Corresponding author: A. N. Gavrish (gavrish@belisa.org.by)

Abstract. Based on a systematic analysis, the article examines the formation in Russia of a holistic legal model for ensuring technological sovereignty, which is considered an integral defining characteristic of the modern state. The key evidence supporting this thesis is the evolution of the lists of critical and cross-cutting technologies, which have transitioned from the first approved list (2002) to their current status of a core element of the technological sovereignty strategy (2023–2025). The main legal mechanisms for implementing this model have been identified and analysed: the conceptual division of technologies into critical and cross-cutting, the introduction of technology cooperation maps as the primary project tool, the establishment of a detailed system of expertise and planning, and the conditioning of funding on the step-by-step confirmation of technology readiness levels. A comparative analysis with the Belarusian model reveals structural differences and the potential for harmonising legislation within the Union State and the Eurasian Economic Union, which aligns with the shared strategic objective of strengthening technological sovereignty.

Keywords: technological sovereignty; critical technologies; cross-cutting technologies; technology policy; legal regulation; technology cooperation maps; technology readiness level; Union State; Eurasian Economic Union.

Введение

Обеспечение технологического суверенитета в контексте глобальной конкуренции и санкционных ограничений приобрело характер стратегического императива, напрямую связанного с вопросами национальной безопасности России. Как отмечает Д. Б. Миннигулова, правовые основы для достижения технологического лидерства были своевременно разработаны и нашли отражение в Федеральном законе от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О технологической политике»). При этом логичным шагом видится обобщение всех перечней критических и сквозных технологий и введение классификатора для отслеживания их развития в различных отраслях [1].

В теоретико-правовой плоскости данное исследование основано на постулате о том, что в условиях глобального кризиса современности технологический суверенитет трансформируется из потенциальной возможности в неотъемлемый признак современного государства. Он становится материальным

выражением его суверенитета и функциональной состоятельности, определяя способность государства обеспечивать национальную безопасность в научно-технологической сфере, устойчивое развитие и конкурентоспособность в новой технологической парадигме. Таким образом, анализ правовых механизмов обеспечения технологического суверенитета представляет собой исследование одного из ключевых институтов современной государственности.

Доктринальные основы формирования целостной правовой модели обеспечения технологического суверенитета раскрыты в фундаментальных трудах российских и белорусских ученых, в том числе в коллективной монографии под редакцией Е. С. Аничкина и В. В. Сорокина [2], где заложены концептуальные основы правового регулирования технологического развития, а также исследованы правовые механизмы реализации государственной политики, включая вопросы импортозамещения и защиты критических технологий в рамках Союзного государства. Институциональные и правовые

механизмы обеспечения технологического суверенитета проанализированы А. А. Афанасьевым [3–5], который обосновал технологический суверенитет как научную категорию и систематизировал подходы к рассмотрению данной проблемы. В работе Д. В. Галушко [6] технологический суверенитет исследуется как новый императив государственного суверенитета в условиях цифровой эпохи, анализируется трансформация традиционной концепции суверенитета под влиянием технологического прогресса, а также демонстрируется, как способность государства контролировать критические технологии и цифровую инфраструктуру становится ключевым элементом национальной безопасности и геополитического влияния. В. Л. Квint с соавторами [7] представили методологию стратегирования технологического суверенитета национальной экономики. С. Г. Ковалев исследовал технологический суверенитет в контексте новейшего миропорядка [8].

Однако комплексный анализ эволюции самих перечней критических и сквозных технологий как ди-

намичного правового инструмента, их процедурных механизмов обновления и повышения эффективности в контексте достижения технологического суверенитета остается недостаточно изученным, что и определяет новизну и предмет настоящего исследования.

Целью данной статьи является системный правовой анализ эволюции перечней критических технологий (КТ) и сквозных технологий (СТ) в России как системообразующего элемента формирующейся правовой модели обеспечения технологического суверенитета, раскрытие их новой роли и взаимосвязи с современными институциональными механизмами. Для достижения этой цели применяется сравнительно-правовой и системный анализ нормативных правовых актов, позволяющий выявить и продемонстрировать ключевую тенденцию – логику перехода государственного регулирования научно-технологической сферы от реактивного к проактивному системно-проектному управлению, реализация которого стала движущим фактором развития перечней КТ и СТ.

Основная часть

Как отмечалось в ранее проведенных исследованиях, именно технологический суверенитет стал ответом России на вызовы 2022 г., трансформировавшись из концепции в полноценный экономический и правовой институт [9]. В этом контексте перечни КТ и СТ прекратили быть просто списком научно-технических приоритетов, став ключевым инструментом управления централизованной технологической политикой и ее правового регулирования в России.

Актуальность проведенного анализа в контексте существования Союзного государства подтверждается синхронностью стратегических задач Беларуси и России, а также наличием схожих черт в формировании комплексных правовых режимов. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко прямо обозначил этот стратегический приоритет, заявив 2 мая 2025 г.: «По многим причинам мы тут обязаны и должны сотрудничать, двигаться вместе, чтобы обеспечить свой технологический суверенитет... <...> ...В этом плане мы готовы прежде всего работать вместе с Российской Федерацией»¹.

Таким образом, в контексте обеспечения технологического суверенитета, закреплённого в качестве ключевой цели Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, особое значение приобретает Государственная программа инновационного развития на 2026–2030 годы. Эта программа представляет собой детально проработанный механизм для достижения поставленных целей. Она фокусирует государственную поддерж-

ку на проектах, предусматривающих применение сквозных приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности. Под ними понимаются направления данной деятельности, которые имеют результаты, оказывающие существенное влияние на развитие нескольких отраслей экономики (видов экономической деятельности), и (или) критических технологий.

В связи с вышесказанным изучение целостной правовой модели технологической политики России, прошедшей интенсивное нормотворческое оформление, а также ее сравнение с синхронно формируемыми механизмами в Беларуси представляют не только теоретический, но и значительный практический интерес для выработки наиболее эффективных механизмов достижения общих стратегических ориентиров.

Перечни КТ и СТ рассматриваются в России как ключевой инструмент решения двудеиной задачи: обеспечения технологического суверенитета (независимости) страны и достижения ее технологического лидерства, что закреплёно Федеральным законом «О технологической политике» в качестве цели технологической политики.

Историческая ретроспектива: от каталога приоритетов к стратегическому инструменту (2002–2011). Зарождение института перечней КТ было связано с необходимостью концентрации ограниченных ресурсов на направлениях, обеспечивающих национальную безопасность и конкурентоспособность. Первый Перечень КТ, утвержденный

¹Встреча с губернатором Астраханской области России Игорем Бабушкиным // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstreca-s-gubernatorom-astrahanskoj-oblasti-rossii-igorem-babuskinym> (дата обращения: 24.12.2025).

Президентом Российской Федерации 30 марта 2002 г., № Пр-578, включал более 50 пунктов и носил в значительной степени инвентаризационный характер, отражая технологический потенциал страны.

Актуализация перечня КТ в 2006 и 2011 гг. отразила эволюцию в сторону его большей структурированности и системности². В частности, в перечень КТ 2011 г. были включены комплексные, конвергентные направления, такие как нано-, био-, информационные, когнитивные технологии, что указывает на учет глобальных междисциплинарных тенденций при формировании приоритетов. Однако, как отмечалось ранее в доктринальных источниках, в этот период система выбора приоритетов в России требовала более тесной интеграции в процессы формирования научно-технической политики и создания механизмов их практической реализации [9].

Ключевой проблемой оставался разрыв между идентификацией технологий и их внедрением в реальный сектор экономики. Перечни КТ служили важным ориентиром, но не были вписаны в единую систему правовых инструментов, обеспечивающих переход от идеи к конечному рыночному продукту.

Системный перелом 2023–2025 гг.: формирование целостной правовой модели. Кардинальная трансформация роли перечня критических технологий и подходов к технологической политике в России стала результатом целенаправленной законодательной работы, проводимой в 2023–2025 гг. Этот процесс характеризуется четкой преемственностью и развитием идей от стратегического замысла до детальных правовых механизмов.

Фундаментальную роль в формировании новой парадигмы сыграло утверждение Концепции технологического развития на период до 2030 года (далее – Концепция технологического развития). Таким образом, Концепция технологического развития определила программу действий, переведя установки технологического суверенитета из концептуальной плоскости в плоскость практической реализации и создав основу для последующего интенсивного нормотворчества.

В Концепции технологического развития, разработанной в условиях беспрецедентного санкционного давления, впервые на уровне стратегического планирования был сформулирован системный ответ на вызовы технологической независимости. В ней были проработаны следующие аспекты:

- определялись три взаимосвязанные стратегические цели (обеспечение технологического суверенитета, переход к инновационно ориентированному экономическому росту и технологическое обеспече-

ние устойчивости производственных систем (раздел IV));

- вводился и нормативно определялся понятийный аппарат, впоследствии ставший стержнем всего нормативного массива, который включал понятия «технологический суверенитет», «сквозные технологии», «критические технологии», «собственная линия разработки», «проекты технологического суверенитета», «таксономия проектов» (раздел II);

- предлагалась структура новых инструментов, многие из которых позже были нормативно закреплены (прообразы карт технологической кооперации (соглашения с компаниями-лидерами, проекты-маяки), вводился принцип поэтапного финансирования по уровню технологической готовности, акцент делался на управлении полным инновационным циклом (разделы V–VIII));

- закреплялся приоритет международной кооперации в рамках Союзного государства, ЕАЭС, ШОС и БРИКС как инструмент достижения технологического лидерства (раздел X).

Таким образом, Концепция технологического развития выступила в роли программы действий, которая перевела дискуссию о технологическом суверенитете из концептуальной плоскости в плоскость практической реализации и подготовила почву для комплексного развития законодательной базы в данной сфере.

Практическая реализация и нормативное оформление этих основ в 2024–2025 гг. происходили в соответствии с актами законодательства, выстроенными в четкую иерархию по принципу «от общего к частному», которая состоит из нескольких уровней.

Высший стратегический уровень предполагает целеполагание и интеграционную повестку. Основу новой правовой модели заложил Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Указ № 145). На этом стратегическом уровне данный указ закрепил научно-технологическое развитие как национальный приоритет, обозначив в качестве целей обеспечение технологического суверенитета и достижение технологического лидерства страны. Ключевым аспектом, развивающим положения Концепции технологического развития, стало прямое нормативное закрепление международной кооперации в рамках Союзного государства, ЕАЭС, БРИКС, ШОС в качестве ключевого инструмента достижения этой цели (подп. «б» п. 32 стратегии). Таким образом интеграционная составляющая была вписана в высший уровень государственной политики.

²Перечень критических технологий Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации, 21 мая 2006 г., № Пр-842 [Электронный ресурс] // Гарант : справочно-правовая система / ООО «СПС-Гарант». Минск, 2026 ; Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 7 июля 2011 г., № 899 [Электронный ресурс] // Гарант : справочно-правовая система / ООО «СПС-Гарант». Минск, 2025.

На уровне технологических приоритетов конкретизация стратегических целей в виде структурированного перечня конкретных технологий была обеспечена Указом Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» (далее – Указ № 529). Именно в этом законодательном акте было введено ключевое для новой правовой модели разделение на КТ и СТ, определившее дальнейшие подходы к финансированию и регулированию. Указом утверждены семь приоритетных направлений и обновленный перечень из 28 наукоемких технологий, разделенных на две категории: 1) КТ (21 позиция), которые определяются как технологии, необходимые для создания продукции, имеющей системное значение для экономики, обороны и безопасности государства (микроэлектроника, фотоника, защищенные квантовые системы передачи данных); 2) СТ (7 позиций), которые определяются как перспективные технологии межотраслевого значения, способные создавать новые рынки или изменять существующие (искусственный интеллект, новые материалы, природоподобные технологии).

Такое разделение является концептуально важным и позволяет дифференцировать государственную поддержку от обеспечения обязательной независимости по КТ до стратегических инвестиций в СТ для формирования рынков будущего.

На системообразующем законодательном уровне Федеральным законом «О технологической политике» установлены правовые рамки, базовые институты и механизмы реализации приоритетов, определенных указами Президента Российской Федерации. Данный закон выполняет системообразующую функцию, обеспечивая связь между стратегическим целеполаганием и практикой реализации, систематизирует понятийный аппарат, закрепляет перечни КТ и СТ в качестве основных инструментов политики (ст. 5) и устанавливает иерархию документов планирования.

Главным новаторским инструментом, введенным законом и детализированным постановлениями Правительства Российской Федерации, стали карты технологической кооперации.

Согласно ст. 16 Федерального закона «О технологической политике» карта представляет собой организационную схему, которая конкретизирует, какая именно высокотехнологичная продукция будет создана, определяет конкретные КТ и СТ для разработки или внедрения, фиксирует роли участников (квалифицированного заказчика, обеспечивающего долгосрочный спрос, основных исполнителей, поставщиков), обуславливает предоставление финансирования (бюджетного и внебюджетного) поэтапным достижением уровней готовности технологий,

производства, рынка и коммерциализации высокотехнологичной продукции.

Формирование и актуализация самих перечней КТ и СТ, лежащих в основе этой системы, детализированы подзаконными актами, которые закрепляют ключевую роль коллегиальных экспертных органов. Таким образом, теперь перечни КТ и СТ интегрированы в логическую цепь планирования и исполнения.

Современные механизмы реализации: от перечня к конечному продукту. Важнейшим нововведением являются детальные правовые механизмы, обеспечивающие практическую реализацию зафиксированных в перечнях КТ и СТ приоритетов. К ним относятся процедуры планирования и экспертизы, специальный механизм реализации проектов по сквозным технологиям, финансовый механизм и контроль реализации.

Процедуры планирования и экспертизы. Логическим развитием и конкретизацией базовых положений Федерального закона «О технологической политике» стало принятие постановления Правительства Российской Федерации от 6 октября 2025 г. № 1552 «О планировании технологической политики в Российской Федерации» (далее – постановление № 1552). Этим постановлением утвержден комплекс документов, конкретизирующих и регламентирующих работу с перечнями КТ и СТ, включая детальные процедуры их формирования и актуализации.

Ключевое значение имеет утвержденное данным постановлением Положение о планировании технологической политики в Российской Федерации, которое вводит в качестве основного инструмента среднесрочные и долгосрочные планы развития технологий. Именно эти отраслевые или тематические планы, содержащие обоснование необходимости создания конкретных видов высокотехнологичной продукции и требуемых для этого технологий, становятся первичным источником для пополнения перечней КТ и СТ.

Постановление № 1552 детально регламентирует процедуру экспертизы и отбора технологий, создавая многоуровневую систему коллегиальных органов. Во-первых, центральную координирующую роль выполняет Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации при Правительстве Российской Федерации, отвечающая за разработку приоритетных направлений и перечней. Во-вторых, функцию оценки соответствия потенциальных технологий установленным критериям осуществляет Экспертный совет по технологической политике, формируемый при президиуме Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России. Не менее половины состава Экспертного совета по технологической политике должны составлять представители Научно-технического совета Комиссии по научно-

технологическому развитию Российской Федерации, который возглавляется президентом Российской академии наук и обеспечивает научную экспертизу. В-третьих, для сквозных технологий предусмотрена обязательная дополнительная экспертиза, осуществляемая Российской академией наук.

Министерство экономического развития Российской Федерации как уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, согласно постановлению № 1552, осуществляет координацию практической реализации этих процедур и информационное обеспечение всей технологической политики. Оно взаимодействует с профильными министерствами (Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и др.), которые отвечают за формирование планов развития технологий в соответствующих отраслях.

Важным аспектом является законодательная конкретизация критериев. Постановление № 1552 устанавливает критерии наукоемкости (например, требование наличия специфических знаний у лиц с учеными степенями, создание охраняемых результатов интеллектуальной деятельности) и четко дифференцирует конечные назначения технологий. Так, КТ должны иметь системное значение для функционирования экономики, решения социально-экономических задач, обеспечения обороны страны и безопасности государства, в то время как СТ обязаны оказывать существенное влияние на экономическое развитие путем изменения рынков или содействия формированию новых рынков и иметь межотраслевое значение.

Наконец, постановление № 1552 устанавливает формализованный процесс актуализации перечней КТ и СТ, включающий этапы инициирования, экспертизы, согласования с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти (Министерство экономического развития Российской Федерации, профильные министерства, Центральный банк Российской Федерации) и окончательного утверждения Правительством Российской Федерации. Этот процесс представляет собой прозрачный и управляемый цикл, обеспечивающий актуальность и обоснованность перечней КТ и СТ в рамках единой системы планирования технологической политики.

Важнейшим элементом, устанавливающим связь планирования с реализацией, являются утвержденные постановлением № 1552 методики оценки уровней готовности технологий, производства, рыночной готовности и коммерциализации продукции, а также готовности собственных линий разработки. Эти документы создают унифицированную измерительную шкалу, которая напрямую интегрируется в механизм поэтапного финансирования по картам технологической кооперации и систему контроля, обеспечивая объективность оценки прогресса проектов.

Таким образом, постановление № 1552 детализирует процедуры планирования и экспертизы, обеспечивая переход от определения базовых принципов (Федеральный закон «О технологической политике») и стратегических приоритетов (Указ № 529) к административно-экспертным процедурам, гарантирующим системность и результативность технологической политики.

Специальный механизм реализации проектов по сквозным технологиям. Данный механизм представляет собой соглашение о развитии с Правительством Российской Федерации, предусмотренное постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2025 г. № 1141 «Об отдельных вопросах развития сквозных технологий» (далее – постановление № 1141). Он отличается повышенным уровнем экспертизы, требованием значительного софинансирования (не менее 50 %) и прямым ежеквартальным мониторингом на высшем правительственном уровне.

Таким образом, данный механизм, сохраняя общую логику проектного управления (привязку финансирования к этапам готовности), представляет собой его специализированную и максимально формализованную версию для работы с наиболее перспективными и рисковыми проектами в области СТ и обеспечивает прямой контроль и координацию на высшем правительственном уровне.

Финансовый механизм и контроль реализации. Важнейшим нормотворческим шагом построения целостной системы управления технологическим развитием стало принятие постановления Правительства Российской Федерации от 1 августа 2025 г. № 1152 «Об оценке эффективности финансирования проектов развития технологий, определении допустимого уровня рисков и базовых критериев управления ими, осуществлении мониторинга и контроля целевого использования средств, направляемых на такое финансирование проектов развития технологий, а также о требованиях к осуществлению мониторинга и контроля реализации проектов развития технологий» (далее – постановление № 1152).

Если карты технологической кооперации задают проектно-организационную схему, то постановление № 1152 вводит детальный финансово-управленческий регламент для агентов развития технологий (специализированных институтов развития, корпораций), непосредственно осуществляющих финансирование проектов. Этот подзаконный акт базируется на понятиях, введенных Федеральным законом «О технологической политике», и устанавливает три взаимосвязанных блока правил.

Первый блок – это оценка эффективности финансирования. Она предполагает установление комплексной методики оценки, учитывающей не только прямую финансовую отдачу, например возвратность инвестиций, но и достижение социально-экономических,

научно-технических, экологических стратегических целей, соответствующих приоритетам технологической политики. Основу данного блока составляет принцип интегральности и ретроспективности, предусматривающий оценку эффективности по всему портфелю проектов агента развития с момента начала финансирования.

Второй блок составляет управление рисками. Для его реализации закрепляется процедурный подход к работе с высокорисковой природой технологических проектов. Агент обязан применять разработанную им методику определения допустимого уровня рисков, классифицируя их по формализованной шкале, где низкому уровню риска соответствует показатель 0–0,3, среднему – 0,31–0,6, высокому – 0,61–0,9, критическому – 0,91–1. Таким образом, риск-менеджмент становится обязательным элементом принятия решений о финансировании.

В третий блок входят мониторинг и контроль. На данном этапе формируется многоуровневая система контроля. На оперативном уровне агент проводит мониторинг на основе отчетов получателей (не реже одного раза в шесть месяцев). На внешнем уровне оценивающий орган (орган государственного финансового контроля) проводит оценку эффективности финансирования всего портфеля проектов агента, учитывая, в том числе, выводы проведенных экспертиз.

Ключевой инновацией является жесткая синхронизация этих контрольных процедур с этапами (уровнями) технологической готовности. Получатели средств обязаны представлять отчеты агенту не реже одного раза в шесть месяцев или по завершении каждого этапа проекта, что позволяет увязывать дальнейшее финансирование с подтверждением достижения конкретных промежуточных результатов (уровней готовности технологии, производства, рынка).

Роль постановления № 1152 в построенной системе заключается в завершающем нормотворческом оформлении финансового контура. Оно устанавливает правовой режим финансирования проектов, смещая акцент со сметного финансирования на финансирование, обусловленное достижением целей. Документ трансформирует стратегические цели из перечней КТ и СТ в систему конкретных управленческих показателей и этапов готовности, бюджетного планирования и оперативного контроля, что обеспечивает адресный, обоснованный и подконтрольный характер масштабных государственных инвестиций в технологическую сферу, минимизируя риски неэффективного расходования средств.

Таким образом, постановление № 1152 выступает ключевым финансово-управленческим регламентом, обеспечивающим практическую реализацию всей иерархии стратегических документов технологической политики.

Ключевые институты и источники финансирования. Реализация модели обеспечена созданием

новых институтов и целевых финансовых инструментов, образующих многоуровневую систему управления, имеющую следующие составляющие:

- операторы финансирования и управления проектами. Ключевую роль в практической реализации играют агенты развития технологий – специализированные институты развития и корпорации (включая государственную корпорацию «ВЭБ.РФ» как системного интегратора). Именно они осуществляют непосредственное финансирование проектов, управление портфелем проектов и несут ответственность за оценку рисков и эффективности в соответствии с детальным регламентом постановления № 1152;

- источники и финансовый контур. Целевое финансирование обеспечено через национальные проекты в рамках Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где технологическое лидерство выделено в отдельную цель с конкретными показателями (рост выручки малых технологических компаний в 7 раз, увеличение доли НИОКР в ВВП до 2 % и др.);

- внешний контроль и стратегическое утверждение. Деятельность агентов развития подлежит внешней оценке со стороны органов государственного финансового контроля (оценивающих органов), бюджетные полномочия которых определяются в соответствии со ст. 157 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Для проектов с объемом финансирования свыше 5 млрд рублей и высоким уровнем риска необходимо положительное заключение Президиума Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России, которое закрепляет дополнительный уровень стратегического утверждения.

Взаимодействие этих элементов демонстрирует переход от поддержки отдельных исследовательских коллективов к управлению сквозными проектами полного инновационного цикла. Этот подход созвучен лучшим практикам комплексного подхода, выявленным при анализе европейских моделей [10].

Сравнительный анализ и потенциал для гармонизации законодательства. Российская практика формирования перечней КТ и СТ сложилась в комплексную правовую модель, прошедшую эволюцию от статичного перечня КТ до активного инструментария сквозного проектного управления, подкрепленного финансовыми и институциональными механизмами. Институциональная структура и правовые механизмы, созданные в 2023–2025 гг., демонстрируют системность высокой степени и ориентацию на результат.

Как наглядно показано в таблице, сопоставление российской модели с подходом, реализуемым в Беларуси, позволяет оценить потенциал гармо-

низации законодательства в рамках Союзного государства и ЕАЭС.

В основе белорусской модели лежит комплекс нормативных правовых актов, включающий Указ Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 г. № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы» (далее – Указ № 135), Указ Президента Республики Беларусь от 20 ноября 2023 г. № 357

«О Совете по стратегическим проектам» (далее – Указ № 357), постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 декабря 2023 г. № 855 «Об обеспечении технологического суверенитета» (далее – постановление № 855), Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2026–2030 годы и на период до 2045 года, одобренный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 798 (далее – Комплексный прогноз НТП).

**Сравнительный анализ базовых элементов
технологической политики России и Беларуси в 2023–2025 гг.**

**Comparative analysis of core elements
of technology policy of Russia and Belarus in 2023–2025**

Критерий	Россия	Беларусь
Стратегическое целеполагание и иерархия правовых актов	Единая законодательная «вертикаль»: - Указ № 145, Указ № 529 (перечни КТ и СТ); - Федеральный закон «О технологической политике» (системообразующий правовой акт); - постановление № 1141, постановление № 1152, постановление № 1552 (детальные механизмы реализации)	Многоуровневая модель, не интегрированная единым системообразующим законом, которая объединяет долгосрочное прогнозирование (Комплексный прогноз НТП), среднесрочное целеполагание (Указ № 135), оперативное управление (Указ № 357, постановление № 855) и реализацию государственных и иных программ
Проектная реализация	Иерархия проектных инструментов: - карты технологической кооперации – базовый обязательный инструмент для проектов, связанных с критическими и сквозными технологиями согласно ст. 16 Федерального закона «О технологической политике»; - специальный механизм для сквозных технологий (соглашения о развитии сквозных технологий, заключаемые между организацией и Правительством Российской Федерации (постановление № 1141))	Реализация по двум параллельным направлениям: - критическим технологиям (товарам) через включение в научно-технические программы (постановление № 855); - проектам, реализация которых имеет существенное значение для социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, через сопровождение Советом по стратегическим проектам (Указ № 357). Единый сквозной инструмент проектной реализации, аналогичный карте технологической кооперации, в белорусской модели отсутствует
Институциональная архитектура и управление	Многоуровневая система коллегиальных и контролирующих органов: - Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации и ее Научно-технический совет (стратегическая координация и научная экспертиза при формировании перечней); - Экспертный совет по технологической политике (оценка соответствия технологий критериям); - агенты развития технологий (оперативное управление портфелем проектов, финансирование, первичный контроль); - органы государственного финансового контроля – «оценивающие органы» (внешняя проверка эффективности финансирования); - Президиум Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России (стратегическое разрешение для высокорисковых и крупных проектов)	Двухуровневая модель с разделением институтов и функций: - Совет по стратегическим проектам при Президенте (стратегический отбор и сопровождение прорывных проектов национального значения); - Межведомственный совет по обеспечению технологического суверенитета при Правительстве Республики Беларусь (координация формирования перечня критических технологий (товаров)). Единый институт оператора, аналогичный российской системе «агентов развития», законодательством не предусмотрен
Финансирование и контроль	Имеет место детализированный финансово-управленческий регламент (постановление № 1152). Финансирование (через национальные проекты, Указ № 309) строго обусловлено подтверждением уровней технологической готовности и сопряжено с оценкой рисков, а также поэтапным контролем	Финансирование мероприятий по перечню критических технологий (товаров) осуществляется в рамках общих бюджетных процедур без привязки к уровню технологической готовности. Специальный нормативный правовой акт, детализирующий финансовый механизм, не принят

Окончание таблицы
Ending of the table

Критерий	Россия	Беларусь
Интеграционная составляющая в правовых актах	Имеется прямое нормативное закрепление кооперации в рамках Союзного государства, ЕАЭС, БРИКС, ШОС как инструмента достижения технологического лидерства (Концепция технологического развития, Указ № 145)	Прямое нормативное закрепление кооперации в качестве инструмента государственной технологической политики в профильных законодательных актах (аналогичных Федеральному закону «О технологической политике») отсутствует. Цели кооперации (в том числе в рамках Союзного государства) закреплены в более широкой стратегической задаче по обеспечению национальной безопасности в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь

Проведенный сравнительный анализ позволяет утверждать, что белорусская система демонстрирует объективный переход от концепции перечня КТ (товаров) к многоуровневой модели управления, сочетающей долгосрочное прогнозирование (Комплексный прогноз НТП), среднесрочное целеполагание (Указ № 135), оперативное управление КТ (постановление № 855) и стратегическими проектами (Указ № 357). Ключевое отличие от российской модели заключается в отсутствии единого системообразующего закона и сквозного проектного инструментария. Такая ситуация приводит к рас-

пределению соответствующего правового регулирования, институтов и механизма финансирования между различными актами законодательства. Именно это обстоятельство дает потенциал для гармонизации законодательства через заимствование системообразующей правовой конструкции (аналог Федерального закона «О технологической политике») и сквозного проектного инструментария (аналог карт технологической кооперации), которые могли бы объединить сильные стороны обеспечения технологического суверенитета, существующие в Беларуси.

Заключение

Сформированная в 2023–2025 гг. целостная российская правовая модель управления технологическим развитием представляет собой стратегический практический ответ на вызовы глобального кризиса современности. Ее существование подтверждает тезис о том, что технологический суверенитет, достигаемый активной, проактивной технологической политикой, перестает быть факультативной функцией и становится конституирующим признаком современного государства в цифровую эпоху.

Конкретным доказательством этого тезиса служит эволюция перечней КТ и СТ от статичного каталога научно-технических приоритетов до системообразующего элемента целостной правовой модели управления технологическим суверенитетом. Современные перечни КТ и СТ в России, концептуально интегрированные в иерархию стратегического планирования, выполняют функцию ключевого правового инструмента, определяющего цели государственной технологической политики, параметры проектов и условия их финансирования. Непосредственными механизмами реализации приоритетов, зафиксированных в этих перечнях, выступают карты технологической кооперации и детальные регламенты финансирования – новые юридические конструкции, через которые государство реализует свой суверенитет, защищает национальные интересы и выполняет социально-экономические функции в технологически детерминированном мире.

Такая правовая модель управления технологическим развитием, как отмечает Д. Б. Миннигулова, представляет собой пример перспективного правового регулирования, направленного на достижение правового баланса в сфере технологического развития и обеспечения технологического суверенитета России. Федеральный закон «О технологической политике» закрепляет такие инструменты, как правовые эксперименты («регулятивные песочницы»), риск-ориентированный подход и систему правового мониторинга, что укрепляет право на разумный риск и повышает адаптивность государственного управления [1].

Вместе с тем практическая результативность созданных механизмов, в особенности инструмента карт технологической кооперации, нуждается в отдельном анализе и мониторинге. Как показывают экспертные оценки, некоторые инструменты обеспечения технологического суверенитета встречают критическое отношение со стороны профессионального сообщества [11], а на высшем уровне признается наличие нерешенных системных проблем, препятствующих его достижению³. Это обстоятельство создает поле для последующих исследований, в частности, для анализа российской модели на основе публичных источников (отчетов институтов развития, научных публикаций, данных экспертных опросов) и теоретико-правового моделирования возможностей

³Патрушев Н. П. В России до сих пор не решены системные проблемы, мешающие технологическому суверенитету // Ритм Евразии : сайт. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2025-01-24--v-rossii-do-sih-por-ne-resheny-sistemnye-problemy-meshajushchie-tehnologicheskomu-suverenitetu-patrushev-78137> (дата обращения: 26.01.2026).

и рисков внедрения ее ключевых элементов, например карт технологической кооперации, в национальное законодательство. Такой подход, учитывающий как нормативные конструкции, так и эмпирические данные об их восприятии и первых результатах, позволит выработать научно обоснованные рекомендации для гармонизации законодательства в области технологического суверенитета в рамках Союзного государства.

Как показал сравнительный анализ базовых элементов технологической политики в России и Беларуси, российская модель отличается большей степенью системной связанности, в то время как белорусская модель характеризуется множественностью нормативных правовых актов. Понятийный аппарат моделей также имеет ряд отличий. В России под КТ понимают технологии будущего, без которых невозможно технологическое лидерство. Белорусская модель технологического суверенитета подразумевает под КТ технологии, отсутствие которых может привести к нестабильности в национальной экономике, вплоть до остановки наиболее значимых производств. Говоря о технологическом лидерстве Беларуси в какой-либо сфере, необходимо отметить, что флагманом достижения значимых результатов на этом поприще является углубленная кооперация с Россией. Однако важно не упускать из виду возможность организации научно-технического сотрудничества с иными мировыми лидерами технологического прогресса.

Углубленная кооперация, в свою очередь, подразумевает введение единых базовых понятий КТ и СТ,

от которых зависит ее роль в достижении технологического суверенитета Союзным государством.

Для Беларуси, перед которой стоят масштабные задачи по обеспечению технологического суверенитета и росту наукоемкости экономики, изучение и адаптация ключевых элементов российской модели – системообразующего закона и сквозного проектного инструментария (карт технологической кооперации) – может стать важным шагом, способствующим не только укреплению национального технологического суверенитета, но и дальнейшей гармонизации законодательства в рамках Союзного государства и ЕАЭС. Такой подход соответствует объективному запросу на формирование единой нормативно-правовой базы технологического развития на международном уровне, констатируемому в научной литературе [1].

Параллельно с решением прикладных задач по обеспечению технологического суверенитета и формированием соответствующего правового механизма актуализируются задачи более высокого уровня абстракции, требующие рассмотрения данного феномена в рамках категориального аппарата современной социально-гуманитарной науки и, в частности, теоретической юриспруденции. Технологический суверенитет как обобщающая, но содержательно не всегда четко определенная категория, требует сущностного изучения – анализа в логике классических признаков государственного суверенитета, осмысления причин его актуализации в современном мире, а также определения его соотношения с иными категориями, характеризующими субъектное целеполагание государства в условиях высокой неопределенности и турбулентности.

Библиографические ссылки

1. Minnigulova DB. Legal regulation of technological leadership: from term to discourse. *Forensic Research & Criminology International Journal*. 2025;13(3):131–134. DOI: 10.15406/frcij.2025.13.00448.
2. Аничкин ЕС, Сорокин ВВ, редакторы. *Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси*. Барнаул: Издательство Алтайского университета; 2025. 434 с.
3. Афанасьев АА. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(9):2377–2394.
4. Афанасьев АА. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы. *Вопросы инновационной экономики*. 2023;13(2):689–706. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117375.
5. Афанасьев АА. *Промышленная политика России по достижению технологического суверенитета: теоретико-методологические основы и практические аспекты*. Москва: Первое экономическое издательство; 2023. 204 с.
6. Галушко ДВ. Технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета: концептуальные основы и правовые механизмы. *Российский журнал правовых исследований*. 2025;12(2):19–30. DOI: 10.17816/RJLS679534.
7. Квинт ВЛ, Новикова ИВ, Алимуратов МК, Сасаев НИ. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики. *Управленческое консультирование*. 2022;9:57–67. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.
8. Ковалев СГ. Технологический суверенитет России в новейшем миропорядке. *Философия хозяйства*. 2020;6:29–47. EDN: RBJJNA.
9. Гавриш АН, Михневич АА. Правовые аспекты технологического суверенитета: опыт Российской Федерации. *Право.бу*. 2024;5:33–41.
10. Гавриш АН. Европейские модели технологического суверенитета: правовое регулирование и вызовы. *Право.бу*. 2025;4:29–38.
11. Капогузов ЕА, Пахалов АМ, Шерешева МЮ. Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса). *Социологические исследования*. 2024;12:24–37. DOI: 10.31857/S0132162524120037.